

О.Н. Трубачев

Этимология

Принципы реконструкции и методика исследования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
О-11

- О-11 **О.Н. Трубачев**
Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования / О.Н. Трубачев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 397 с.

ISBN 978-5-458-24216-5

Ежегодник "Этимология" включает ряд работ, посвященных различным вопросам славянской (в том числе русской), индоевропейской и частично неиндоевропейской этимологии, касающихся как общих проблем, так и происхождения и истории отдельных лексем. Особый интерес должны вызвать статьи, в которых специально исследуется актуальная проблема связи этимологии и сравнительно-исторической грамматики.

ISBN 978-5-458-24216-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гать вообще'. Так, значение 'поднимать' представлено у этого глагола в польском, чешском, словацком, лужицких, сербско-хорватском, болгарском. Конечно, могут возразить, что значение 'поднимать' могло явиться у **dvigati*, **dvignqti* вторично тогда как значение 'двигать, перемещать' здесь исконно, ср. ст.-слав., ц.-слав. *дкигати, дкизати, дкигнжти* 'двигать, двинуть, move, живѣти'. Но это мнение в общем не трудно уличить в ошибочности. Вескими аргументами в пользу точки зрения согласно которой **dvigati* исконно означало 'поднимать', затем на части славянской территории получило значение 'двигать', служат свидетельства отдельных сложений и производных с этой основой. Общим положением словообразовательно-этимологического и семантического анализа (если говорить в первую очередь о внутренних резервах реконструкции) можно считать первостепенную важность значений сложений и производных в вопросе восстановления первоначального значения самой основы. Мы имеем в виду лучшую сохранность древнего значения, которая характеризует обычно именно производные и прочие связанные формы основы сравнительно с ее непроемной формой. Так, нам представляется, что ст.-слав., ц.-слав. *подигъ, подкигнжти, подкигнжти* *са* содержат в своих значениях и примерах словоупотребления ясное указание на движение вверх, подъем, поднятие; *подкизати* соответствует, например, греч. *φέρειν* 'нести' (Срезн. II, стб. 1034). В диалектах восточного Полесья часть сохи, дубовая развилка, подпирающая одним своим концом правую полицу, называется, по свидетельству Мошинского, *pòdwih*⁵. Наконец, мысль о возможности семантической эволюции **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще, перемещать по горизонтали' находит подтверждение в наблюдениях над некоторыми внешними аналогиями, ср., например, др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, поездка', нем. *reisen* 'ездить, путешествовать' — иными словами, 'двигаться вообще' — при, очевидно, более старых значениях гот. *urreisen* 'вставать', англ. *rise* 'подниматься вставать'.

Резюмируя изложенное выше, мы можем сказать, что мнение о семантической эволюции праслав. **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще' опирается на три аргумента: 1) наличие значения 'поднимать' у продолжений праслав. **dvigati* в значительной части славянских языков; 2) наличие значений, родственных 'поднимать', у производных и сложений с основой **dvig-* в других славянских языках; 3) некоторые общие наблюдения над семантической эволюцией глаголов 'двигать(ся)'.

Теперь об этимологии праслав. **dvigati*. В свете семантической реконструкции последнего, приведшей нас к древнему пражназначению 'двигать вверх, поднимать', и указаний отдельных

⁵ K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 58.

современных диалектных форм, например полесск. *řōdwiħ* 'дубовая развилка, подпорка', мы можем понять праслав. **dvigati* как отыменный глагол, образованный от существительного **dvigъ* 'развилка, разветвленная ветка'. То, что такая ветка могла использоваться как подпорка или рычаг, объяснит нам реальную сторону образования **dvigъ* > **dvigati* 'поднимать'. Праслав. **dvigъ* точно соответствует нем. *Zweig* 'ветка' и другим родственным германским, восходящим вместе с прасл. **dvigъ* к и.-е. **duīgho-s/*duīgho-s*, собственно **du-ī-gh-o-s*, производное от и.-е. **duō* 'два'. Любая ветвь образует с основным стволом нарвную развилку, поэтому мотивы такого названия вполне ясны. Прекрасную семантическую аналогию отношению праслав. **dvigъ* 'ветка, развилка': **dvigati* 'поднимать' можно указать в словц. диал. *posōīt' sa* 'подняться', *sošit'* 'поднимать': *socha* 'развилка' (см. Machek, стр. 463).

43. РУССК. *реполов* И ВОПРОС ОТРАЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. **rępъ*/ъ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ

У слова *реполов* не было собственной этимологии, причиной чего служило ощущение прозрачности его структуры. В соответствии с этим слово членили как сложение *репо-лов* (см. Vasmer REW II, стр. 514). Однако достаточно несколько подольше присмотреться к этому слову, чтобы задуматься над справедливостью такого понимания или восприятия. Мы постараемся показать, что ощущение прозрачности структуры в данном случае ложно и может быть классифицировано как одна из разновидностей народной этимологии. *Реполов*, согласно Далю, — *рѣполов* или *рѣпел* м. 'одна из певчих птишек, *Sylvia rubecola*' (Даль² IV, стр. 123). Об этой птичке, которую называют еще коноплянкой, известно, что она относится к семейству вьюрковых, питается зерном, имеет пестрое оперение, небольшой черноватый хвостик, отличается веселым нравом, распространена во всей Европейской России⁶. Уже в свете хотя бы одних только этих данных прозрачность сложения *репо-лов* скорее вводит нас в заблуждение, чем дает какую-либо информацию, а связь с репой выглядит абсурдной. К счастью, перед нами, по-видимому, наиболее легко обнаружимый вид народной этимологии — осмысление без реально-логической мотивации, поскольку внешняя связь с репой опровергается сведениями об обозначаемой реалии, птичке *Sylvia rubecola*. Дальнейшая проверка лингвистической стороны вопроса позволяет найти довольно близко лежащие, сугубо внутренние данные, вполне отводящие связь с *рэпа* как вторичную. Это прежде

⁶ Ф. Ф. Остатов. Певчие птицы нашей Родины. М., 1960, стр. 52—55.

всего — варианты названия птицы: *репел* (Даль), *реполиха* 'самка реполова'. Цезура словопроизводного членения формы *реполов* в свете этих показаний перемещается: не *репо-лов*, а *репол-ов*. Уже одни эти данные довольно авторитетно говорят о том, что основой слова следует считать *репел-/репол-*. Прежде чем перейти к этимологии, необходимо учесть все, что известно по истории нашего названия птицы. Прямыми свидетельствами о древнерусских формах современного слова *реполов*, *репел* мы, к сожалению, не располагаем, однако есть достаточно косвенных указаний, причем важных для новой этимологии названия птицы. Мы имеем в виду княжескую фамилию *Ряполовский*, неоднократно встречающуюся в русских летописях, ср. следующие примеры: и послѣ того князь Ѳеодоръ Семеновичъ Хрипунъ Ряполовский билъ Татаръ на Волзѣ, іюня 4... (Софийская I летопись под 1469 г. — ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851, стр. 275); царь же Магамедъ Аминь Казаньскій отпусти воеводу великого князя из Казани, князя Семена Ивановича Ряполовского... (Софийская I летопись под 1495 г. — ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853, стр. 40). В этих и во многих других примерах упоминания этой фамилии в XV в. абсолютно последовательно соблюдается такая черта, как отражение вокализма [a]: *Ряполовский*. Названная древнерусская фамилия интересна для нас в двух по крайней мере отношениях: во-первых, не оставляет сомнений ее родство с современным апеллативом *реполов*, *репел*, а во-вторых, древний корневой вокализм основы *ряпол-* в фамилии *Ряполовский* окончательно кладет конец внешне очевидному сближению *реполов*: *репа* и направляет наши дальнейшие этимологические поиски по иному пути. Так, мы считаем возможным производить современное название *реполов*, *репел* из старого **ряпол*, **ряпел*. Эта последняя форма продолжает, по нашему мнению, более древнее имя **repelъ*/**repolъ*, образованное с суффиксом *-el-/ol-* от праслав. **reръ*/**reрь* 'хвост'. Праслав. **reръ*/**reрь* известно по своим продолжениям в западно- и южнославянских языках, ср. польск. *rzap* (род. *rzapia*) 'копчик', с.-хорв. *reп* 'хвост', в.-луж. *rјар* 'спинной хребет'. До сих пор мы как будто не располагали материалом для того, чтобы утверждать, что и в восточнославянских языках сохранились следы праслав. **reръ* 'хвост'. С того момента, как перед нами встает описанная выше возможность этимологизации слова *реполов*, *репел*, ставится вопрос о реальном наличии также восточнославянских форм от праслав. **reръ* 'хвост'.

Кстати, о первоначальном семантическом наполнении, этимологии и реально-семантическом субстрате праслав. **reръ*. Это уточнение необходимо ввиду многочисленности названий хвостов, лексем со значением 'хвост' в праславянском. Мы можем попытаться уяснить себе место лексемы **reръ* 'хвост' среди прочих названий хвостов, каковы, например, **xvostъ* (русск.

хвост и родственные), **obgonъ* (польск. *ogon*), **obpašъ(ka)* > болг. *опашка*, **otjašъ* (чеш. *ocas*). Праслав. **rępъ*/*rępъ* не было абсолютным синонимом всех прочих названий хвостов, но означало, вероятно, короткий хвост, обрубок хвоста, сам хвост как продолжение позвоночного столба, без шерсти и волос, ср. значение польск. *rzęp* 'копчик', а также вероятную этимологию праслав. **rępъ*, которое, очевидно, родственно праслав. **rębiti* (русс. *рубить*) — с иным губным расширителем -b-, а также нем. *Rumpf* 'туловище'. Праслав. **rępъ* обозначало тем самым первоначально лишь основание хвоста или короткий хвост, но во всяком случае не опушку хвоста, т. е. не то, чем машут (праслав. **xvostъ*, **obgonъ* и др.). Семантическая реконструкция и этимология праслав. **rępъ* как будто соответствуют тому, что известно о реполове, этой птичке с явно небольшим хвостиком. Дальнейших мотивов обозначения лексемой **rępelъ*/*rępolъ* именно птички *Sylvia rubecola* мы не можем да и не чувствуем себя обязанными доискиваться здесь; разумеется, данное название так же произвольно — в известных пределах, — как и всякий другой акт номинации в языке. Кстати, курьезнейшее по формальной полноте соответствие нашему прарусск. **rępolъ*, **rępelъ* мы имеем в польск. *rzępola* 'тот, кто пиликает, скверно играет (на скрипке)', которое еще Брюкнер связал с *rzęp* 'копчик, зад'⁷. Экспрессивная мотивация, различимая в польском слове, могла иметь место и в русском, столь близком к польскому, при всем их семантическом различии.

Итак, *реполов*, *репел* отражают праслав. **rępъ*. Единственные ли это продолжения праславянского слова в восточнославянских, в русском? — Вполне возможно, что нет. Обратим внимание, во-первых, на русск. *репица* 'хвост позвоночного животного, кроме шерсти и волосу; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков' (Даль², IV, стр. 123). Как видим, близость значения русск. *репица* и польск. *rzęp*, в.-луж. *rjar* очень велика. Отклонения в вокализме — *репица* вместо ожидаемого **ряпица* — представляются нам в любом случае вторичными, хотя мотивы и условия их еще недостаточно ясны. Во-вторых, к числу восточнославянских, русских следов праслав. **rępъ* можно отнести, вероятно, местное название *Урюпинск*, точнее — лежащее в его основе древнерусское личное собственное имя **Урюпа* (посредствующее звено — фамилия *Урюпин*?)⁸. Здесь наступает момент, когда, говоря о рефlekсах праслав. **rępъ* в русском, мы вынуждены, правда, на очень короткое время, отвлечься в область апофонии. Это вызвано необходимостью

⁷ В Г ü с к н е г, стр. 474.

⁸ В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903, стр. 410) мы, действительно, находим имя *Урюпа*, черныбыльский мещанин (1552 г.). Эта белорусская форма (Черныбыль!) может отражать как **Урюпа*, так и **Урюпа*.

правильно оценить характер формы **у-рюп-* в русском в связи с реконструируемой праславянской формой **rępъ*. Наряду с этой последней мы вправе предположить существование иной ступени вокализма — праслав. **ręp-*, мотивированного производным характером содержащих его образований. Праславянские отношения **ręp-/ręp-* должны были нормально отразиться на восточнославянской почве как *ряп-/rүп-*. Первая ступень, как мы показали выше, реально засвидетельствована в русском языке. Надо сказать, что и вторая ступень тоже существовала, как о том говорят косвенные данные, а именно форма *-рюп-* в сложении с предлогом (*Урүпинск*, *Урюпино*, **Урюпа*). Природу этого варианта *-рүп-* мы объясняем следующим образом. Если апофоническая соотнесенность **ręp-/ręp-* на праславянском уровне не оставляет сомнений и, видимо, носила характер прозрачной связи, то в отношениях *ряп-/rүп-* на восточнославянской почве представлены лишь разрушающиеся остатки древней апофонии. Внешним следствием и как бы противодействием этому разрушению в языке явилась замена двойственного отношения **ręp-/ręp-* тройственным *ряп-/rүп-/рюп-*, где *рюп-* получено путем контаминации двух исконных ступеней. Эта перестройка осуществилась столь же закономерно на восточнославянской почве, как в случае с праслав. **blęd-/blęd- > вост.-слав. бляд-/блүд-/блюд-*, откуда объясняется наличие, кроме регулярных форм *блядь*, *блүд*, также и контаминированного *ублюдок*.

44. РУССК. ДИАЛ. *брылѧ*, МН. *брыльы*,

довольно распространенное народное слово со значением 'губа', 'губы', также в форме дв. числа *брылѧ* 'губы' (тамб., «Опыт областного словаря»), в некоторых говорах — только о собаках (напр., вятск.), в значении 'рыло' — в костромских говорах; костр. (Чухл. у.) *брылѧ* 'половина уст', мн. *брыльы* 'уста'; в русских пословицах XVII в., изданных П. Симони, читаем выражение: «ел смерд блины да засалил брылы»⁹. Этимология слова оставалась неясной, во всяком случае сближения с созвучным словом, обозначающим глыбу¹⁰, ее не проявляют. Тем не менее это областное русское название губы у человека или животного этимологизируется очень просто. Наиболее авторитетна в плане этимологии форма, которая последовательнее всего представлена в большом числе говоров — *брылѧ* 'губа' (волог., вятск., перм., тульск., енисейск.), ср. также выше. Самым строгим образом придерживаясь сведений о форме

⁹ Обстоятельную подборку географического распространения форм и значений находим в ст.: S. Obnorski j. Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. — ZfslPh II, 1925, стр. 67.

¹⁰ См. Vasmer I: *брыла*.

и значении слова, мы можем объяснить его из **обрыла* = 'то, что вокруг рыла' (*об-рыла*), ср. значение *брыль* 'губа', а также диал. *брыль* 'рыло'.

45. СЕРБСКО-ХОРВ. *порéklo*, *подријетло*

продолжает по-прежнему представлять собой загадку для этимологов, несмотря на то, что им уже занимались опытные ученые, которые выдвинули внешне бесспорные объяснения¹¹. Дело в том, что известное толкование *порéklo* < *по* + *рећи* (Маретич), основанное на признании первичности значения 'прозвище, (родовое) имя', во-первых, оставляет без объяснения ряд старых форм, не знающих этого значения и вместе с тем определенно связанных с нашим словом, и, во-вторых, это старое толкование, как нам кажется, упрощает действительную сложность взаимоотношений форм. Не претендуя на исчерпывающую ревизию материала и его интерпретации, мы хотели бы выдвинуть новую возможность объяснения хотя бы части фактов, явно остающихся в тени, если принять однозначную старую этимологию. Суть этой старой этимологии состоит в том, что с.-хорв. *порéklo* (воеводинск., Вук), *подријетло*, *подријекло*, *podrèklo*, *podriko* с современным значением 'происхождение' явилось результатом сербско-хорватской семантической инновации при исконности значения для всех названных форм 'прозвище'. Нарушение связей с глаголом *поречи* повлекло семантическую и словообразовательную перестройку, откуда форма на *под-*, тогда как форму *подријетло* объясняют контаминацией *порéklo* и *podrijet*. Нам кажется, что в своей основе эта этимология может быть принята, во всяком случае форма *порéklo* проще всего этимологизируется действительно от *поречи*, первоначально 'назвать'. Ошибкой было стремление распространить эту этимологию на все формы и значения. Если *порéklo* еще имеет также значение 'прозвище', то *подријетло* (исключительно 'происхождение') своими формальными, семантическими особенностями, а главным образом своим распространением сопротивляется толкованию контаминацией восточного *порéklo* и локального дубровнического *podrijet*, что признает и сам автор толкования Скок. Если же мы обратимся к обособленным, достаточно старым и самостоятельным формам *podriilo* (XVIII в.), *podritolica* (Мостар) и уже упомянутому *podrijet* ж. р. (Дубровник), которые все значат лишь 'происхождение, род' (см. «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» Югославянской Академии, т. X, стр. 313), то свести их к единому *порéklo* еще труднее, чем в случае с *подријетло*, точнее — совсем невоз-

¹¹ См: P. Skok. Leksikologijske studije. — «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» 272. Zagreb, 1948, стр. 21—25.

можно. Сознательных преобразований в связи с отталкиванием от непристойной лексики, которые Скок принимает для мостарского *podritolica*, нельзя предполагать для *podrilo*, *podrijet*. Нам кажется уместным допустить в целом для всех относящихся сюда слов более или менее сильное вторичное сближение с *porекло*, причем *подриѣтло* этим сближением затронуто в наибольшей степени, тогда как такие формы, как *podrilo*, *podrijet*, еще вполне сохраняют свою самобытность. Эти последние, особенно икавское *podrilo* 'происхождение, род', мы этимологизируем особо — из праслав. **podrědlo/*porědlo* (где *pod-* — инновация вм. *po-*) $\leq$ **po-roj-tlo*. Дубровникск. *podrijet* в свою очередь из **po-roj-to*. Названные слова родственны лит. *ristis* 'вылупляться (из яйца)', 'катиться, кататься', *išsi-risti* то же, *raidà* 'развитие', *riedėti* 'катиться', *pa-riedėti* 'покатиться', *paristi* то же (сврш.). Основа и.-е. **roj-/*rej-/*gī-* представлена в балтийском и славянском с расширениями *-t/-d-* и без них. О возможности семантического развития 'катить, кататься' > 'рождать(ся), происходить' говорит полная аналогия слав. **kotiti (se)*, русск. *котиться*¹².

46. РУССК. ДИАЛ. *лѣньгас* 'ЛЕНТАЙ'

— неясное слово, для которого предполагалось иноязычное происхождение¹³. Нам не хотелось бы умножать число гадательных и беспочвенных этимологий, но, имея в виду невыясненность слова, полезно обратить внимание на возможную его близость к с.-хорв. диал. (икавск.) *linguza* 'лентайка' ж. р. (Босния)¹⁴. Сербско-хорватское слово из прасл. **lenьgъzъ*, сложение **лѣнь + *gъzъ* 'гузю, задница', можно было бы считать тождественным русск. диал. *лѣньгас* при условии, если последнее — из *лѣньгуз* с теми же древними компонентами (ср. диал. курск. *ленгѣз* 'лодырь'; псковск., тверск. *лынгуз* 'лентай'). Преобразования в северновеликорусском слове могли наступить в условиях заударного слога или в результате сознательного отталкивания от слова *гуз*?

47. БОЛГ. *було* 'ПОКРЫВАЛО НЕВЕСТЫ, ФАТА'

признается неясным¹⁵, однако обычные в таких случаях для болгарской лексики ресурсы объяснения заимствованием из соседних балканских языков или из турецкого здесь как будто

¹² О последнем: В. Н. Топоров. О праславянском **kot-*. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 174.

¹³ См.: Васмер II, стр. 31. — Этимология Пизани из *лѣнь + нем. Geist* едва ли заслуживает упоминания.

¹⁴ I. Klarić. Narodne pripovijetke. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» XXII. Zagreb, 1917, стр. 300.

¹⁵ В. Георгиев и др. Български етимологичен речник, св. 2. София, 1963: *було*; ср.: Младенов, стр. 49.

отказывают. Нам кажется, что мы имеем тут дело с древним исконно славянским элементом болгарского словаря. В связи с этим представляется возможным этимологизировать болг. *бѹло* < **обуло*, собственно говоря, — **об-уло* (ср., помимо широко известного в разных славянских языках *bagniti* < **ob-agniti*, еще типично болгарское *бѣся*, *бѣсилка* < **cb-vēsiti* и т. д.). Не сохранившееся болг. **об-уло* восходит к праслав. диал. **ob-udlo*, ср. **obuti*, а главным образом родственное и тождественное *-tl-* производное лит. *auklė* 'портынка' < **on-tl-*, к которому восходит в конечном счете и болг. *бѹло* 'покрывало невесты'. И.-е. **eu-/o-*, помимо ранней специализации в значениях 'обувь', 'надевать обувь', имело, несомненно, и более общее значение 'надевать, повязывать' (ср. лат. *sub-uculum* 'нижняя туника'), сохранный в болг. *бѹло*.

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ

Нельзя отрицать, что этимология в настоящее время занимает все меньшее место в науке о языке и в своем развитии подошла к критической точке; однако было бы слишком рано утверждать, что этимологические исследования уже сыграли свою роль¹. Верно, что этимологическая наука, пытавшаяся найти формальную связь между исследуемым словом и его этимоном при самой собой разумеющемся условии если не семантической идентичности, то во всяком случае непроблематичной семантической зависимости слова и этимона, — эта наука, считающаяся ныне классической, исчерпала себя. Этимологические исследования в этой области, напротив, игнорировали огромный материал, содержащий слова, слишком большое семантическое расхождение которых препятствовало предположению генетического родства между ними, несмотря на формальные соответствия, или не обладали достаточной компетентностью, чтобы охватить этот материал.

Если, таким образом, вполне естественно, что этимологическая наука проявляет все больший интерес к семантике, — красноречивым выражением этой новой ориентации может послужить высказывание такого классика этимологии, как Фасмер, относительно его «Русского этимологического словаря»: «Hätte ich die Arbeit von neuem zu beginnen, dann würde ich... der semasiologischen Seite grössere Beachtung schenken»², — то нельзя закрывать глаза и на тот факт, что и семантически направленная этимологическая наука находится в тяжелом положении. Стремление к объективному описанию явлений, характеризующее многие разделы современной лингвистики и покоящееся в конце концов на представлении о языковых явлениях как о составных частях одной системы, давно уже ощущалось как необходимое именно в семантически направленной этимоло-

¹ Ср.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ 1960, № 3, стр. 44—59.

² Vasmer III, стр. 507.

логии, для которой, к сожалению, вера была более характерна, нежели знание. Так как внеязыковая сфера стоит в тесной связи со значением слова, до сих пор не представлялось возможным перенести семантику полностью в чисто языковой план и описывать семантические явления как независимые от субъективности исследователя. Однако делались попытки создать определенные объективные критерии внутри семантики, семантические законы или тенденции, или описывать семантические явления как члены семантического поля, определяющего значения отдельных компонентов. Однако пройдет еще много времени, прежде чем можно будет установить какую-либо общую систему с возможностью контроля в семантике; вместо этого приходится следовать некоторым определенным линиям, которые постепенно можно будет привести к более стройной зависимости.

Что касается этимологизации с привлечением семантического поля, иногда бывает полезно применить взаимную мотивированность слов в качестве контрольного фактора. Чем больше обнаруженная мотивированность, тем сильнее доводы в пользу предложенной семантико-этимологии. Это особенно верно, когда дело касается определения конкретной основы абстрактного значения.

В древнерусском языке нередко встречаются слова, этимология которых не вызывает затруднений, и на ее основе устанавливается приблизительное значение. Изучение семантической истории таких слов рисует, однако, другую картину их значений и развития значений, что одновременно ведет к восполнению их этимологии. Древнерусский словарный запас с семантической стороны не исследован основательно, и это во многих случаях зависит от такой банальной причины, как отсутствие в течение долгого времени надежных и легко доступных изданий древнерусских текстов. Правда, в последние годы было много сделано для устранения этого недостатка, но движущей силой в этом направлении был не лингвистический интерес, а историко-экономические или историко-социальные соображения.

Мы выбрали несколько древнерусских слов, принадлежащих к определенному кругу значений, исследовали их семантико-этимологию и в особенности обращали внимание на их взаимную семантическую мотивированность.

*Погрени*ти, которое обычно переводится как 'предать забвению'³, насколько мы могли установить, уникально, так как встречается только в древнерусском языке, и только в двух различных контекстах⁴. Существование этого глагола, однако, не вызывает никаких сомнений, если сличить его формально и по значению с древнерусским существительным *погребѣ* в одном

³ Срезневский II, под словом *погрени*ти.

⁴ Срезневский II и Картотека Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, Москва.